

партизанских песен» приводит новые данные о распространении в Словакии советских песен и о судьбе словацкой партизанской песни, созданной по образцу советской «По долинам и по взгорьям» (автор анализирует 11 вариантов). Интересны сообщения С. Швелаком факты о варьировании известной словацкой песни «Ночь тиха, пала роса» («Tichá noc je, rosa padá») и особенно впервые публикуемые новые записи партизанских песен «Od kameňa», «Tam pod horou», а также расширенный вариант песни «Po krátkich dňoch slobodienky». Существенны соображения автора о развитии в партизанском творчестве традиций пролетарской революционной поэзии, о фольклоризации некоторых песен литературного происхождения, о национальной специфике словацких партизанских песен (стр. 443—444, 447).

Два небольших этюда посвящены отдельным песням — Любица Дроппова анализирует балладу, сложенную крестьянкой А. Кочалковой в стиле традиционных баллад, Ян Михалец устанавливает источник одной из самых популярных партизанских песен «Тихая ночь, темная ночь» (Tichá noc, tmavá noc).

В целом рецензируемый журнал представляет собой новый ценный вклад в изучение процессов, протекавших в народной культуре в ходе антифашистской освободительной борьбы. Редакция журнала «Словацкая этнография» во главе с Божей Филовой заслуживает самой глубокой признательности всех, кому дорога память о героическом сопротивлении славянских народов фашизму.

В. Гусев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. Г. Банчиков. *Брак и семья у монголов*, Улан-Удэ, 1965, 56 стр.

Семья и брак у монголов — малоисследованная область в этнографической науке. Хотя литература о монголах весьма обширна, семейно-брачные отношения никем специально не изучались. Сведения, имеющиеся в литературе по данному вопросу, в большинстве своем фрагментарны. Наиболее подробно семейно-брачные отношения в дореволюционной Монголии были рассмотрены в интересной книге И. М. Майского¹. В 1960 г. вышла работа К. В. Вяткиной о монголах Монгольской Народной Республики², в которой автор, наряду с другими вопросами этнографии монголов, остановился на их семейных обрядах. К. В. Вяткиной описаны старинные свадебные обряды у разных этнических групп МНР, обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка. Современные же семейно-брачные отношения у монголов в литературе не освещались.

Работа Банчикова, изданная Бурятским научно-исследовательским институтом, первая попытка специального исследования семейно-брачных отношений у монголов. Автор на основе собственных полевых материалов, собранных во время экспедиций 1961—1963 гг. и литературных источников, попытался показать особенности семейно-брачных отношений в дореволюционной Монголии и те огромные перемены, которые произошли за сравнительно короткий период — годы народной власти 1921—1963.

Работа состоит из трех глав. В первой главе «Брак» автор рассматривает брачные отношения и обряды, связанные с женитьбой в дореволюционный период и в настоящее время, и довольно обстоятельно останавливается на брачных отношениях монголов до революции. Интересна описанная в работе традиционная свадьба халхасцев, которая наряду с общими чертами, присущими свадебной обрядности всех монгольских этнических групп, имеет и свои особенности.

Однако не все в данной главе бесспорно и убедительно. Это относится, например, к недостаточно продуманным вопросам существования брачных отношений у монголов, в частности калыма и связанных с ним форм брака, что привело автора к спорным суждениям об эволюции калыма как общественного института и причин его исчезновения.

Так, показав, что у монголов до революционных преобразований одним из основных условий заключения брака была уплата калыма, Г. Г. Банчиков приходит к выводу: «следовательно, брак у монголов по существу являлся коммерческой сделкой, куплей — продажей девушки» (стр. 4). Однако при более внимательном рассмотрении данных, имеющихся в литературе по этнографии монголов³, такой вывод оказывается несостоятельным. Верно, что калым у монголов продолжал играть существенную роль в заключении брака. Мало того, он продолжал сохранять свою юридическую силу: дети, родившиеся в браке, заключенном без уплаты калыма, считались незаконными

¹ И. М. Майский, *Монголия накануне революции*, М., 1959.

² К. В. Вяткина, *Монголы Монгольской Народной Республики*, «Восточно-Азиатский этнографический сборник», Труды Института этнографии АН СССР, т. LX, М.—Л., 1960, стр. 159.

³ См. И. М. Майский, *Указ. раб.*; К. В. Вяткина, *Указ. раб.*

и принадлежащими матери⁴. Стало быть, брак с внесением калыма, по всей вероятности, как-то узаконивался, хотя в литературе нет упоминания об этом. Но калым у монголов уже не представлял собой чистого выкупа за невесту, т. е. куплю — продажу невесты, так как существовал в развитой форме институт приданого. Насколько вытекает из данных, которыми пользовался автор (работы И. М. Майского, К. В. Вяткиной), стоимость приданого, приносимого невестой в дом жениха, была в среднем не меньше полученного калыма. По обычаю, жених должен был иметь юрту (деревянный остов и кошмы), а невеста привозила веревки и опояски (шнуры) для скрепления юрты и все внутреннее убранство. Отец жениха давал в качестве выкупа (средний выкуп) 2 коня, 30—40 лан серебра⁵, а невеста в приданое, кроме полных комплектов зимней и летней одежды со всеми украшениями, получала 4—5 коров, 4—5 кобылиц, 2—3 верблюда, 30—40 баранов⁶.

Уже эти данные не подтверждают положения автора о купле — продаже девушки. Несомненно, что брак у монголов прошел стадию купли — продажи, но это вопрос, требующий специального и детального исследования.

Автор в этой главе останавливается на существующих теоретических положениях об эволюции брачных отношений, в частности, о возникновении и отмирании калыма, как общественного института. Приняв точку зрения М. Ковалевского на природу калыма, который рассматривал «плату» за невесту как компенсацию за отчуждение рабочей силы, автор подкрепляет ее нормами брачных отношений у монголов. Далее, рассматривая причины отмирания калыма, автор не согласился с общепринятым, достаточно аргументированным положением Н. А. Кислякова, который считал, что с разложением патриархальных общин и выделением малых семей выплата значительного калыма грозила подрывом хозяйственного базиса малой семьи, экономически еще крайне слабой. Он писал: «Калым грозил самому существованию этой новой общественной ячейки, пришедшей на смену патриархальной общине, мешая ее развитию, а с разложением патриархальных отношений калым постепенно исчез, так что остались одни его пережитки»⁷.

Данное положение, на наш взгляд, распространяется и на развитие калыма у монголов. Как нам кажется, калым у монголов в рассматриваемой форме представлял собой именно пережиточное явление.

Но автор рецензируемой работы не согласен с данным положением. Возражая Н. А. Кислякову, он пишет: «после распада патриархальных семейных общин и выделения малых семей, когда калым стал большим препятствием при заключении брака, появились (?) другие формы уплаты калыма: обмен жениха и невесты (вероятно, надо понимать «обмен невестами». — К. Б.), отработка за жену, уплата калыма частями и в рассрочку (стр. 11). Такое утверждение автора вызывает возражения. Обмен невестами — скорее способ заключения брака, а не форма уплаты калыма. И данная форма появилась задолго до возникновения покупного брака⁸ и существовала потом наряду с калымом, т. е. с установившейся платой за невесту материальными ценностями. То же можно сказать и об отработке за жену. Известно, что это не менее древний способ приобретения жены, чем калым. Кроме того, по данным Л. Л. Викторовой⁹, которая рассматривает общественные и семейные отношения у предков монголов (первые века н. э.), основываясь на китайских источниках, приводимых Н. В. Кюннером¹⁰, отработка за жену у предков монголов существовала еще в период становления отцовского рода.

Подобные ошибочные положения имеются и в дальнейшем изложении автора, когда он пишет, что с появлением малых семей «появились (!)... обычаи, не требующие уплаты калыма — похищение невесты, брак по обоюдному соглашению родителей (?)» (стр. 12).

Общезвестно, что похищение невесты как способ приобретения жены существовало до возникновения покупного брака. Когда же, по мнению автора, возник покупной брак, если только с распадом патриархальных общин и с появлением малых семей появился обычай похищения невесты? Думается, что подобные утверждения автора являются результатом неточных формулировок.

⁴ И. М. Майский, Указ. раб., стр. 66.

⁵ Чтобы оценить стоимость 1 лана серебра, отметим, что рыночная цена лошади составляла 18—20 лан, см. И. М. Майский, Указ. раб., стр. 158, 172.

⁶ И. М. Майский, Указ. раб., стр. 66. Правда, в некоторых местах в Монголии верблюды не входили в состав приданого невесты.

⁷ Н. А. Кисляков, Калым и приданое у таджиков, сб. «Родовое общество. Этнографические материалы и исследования». Труды Института этнографии АН СССР, т. XIV, М., 1951, стр. 222.

⁸ См. М. О. Косвен, Брак — покупка, «Красная новь», 1925, № 2.

⁹ М. Л. Викторова, Монгольские племена и их роль в истории Сибири, «Материалы по древней истории Сибири», Улан-Удэ, 1964, стр. 456.

¹⁰ Н. В. Кюннер, Китайские известия о народах Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961.

Трудно также согласиться с окончательным выводом о том, что «причина исчезновения калыма во всех его формах целиком связана с уничтожением частной собственности» (стр. 12). В этнографической литературе широко известно немало народов, у которых частная собственность сохранилась до сих пор, а брак путем купли — продажи девушки во всех своих формах ушел в далекое прошлое.

Не вдаваясь в подробности по данному вопросу, в качестве опровержения вывода автора приведем лишь слова Энгельса о взаимоотношении частной собственности и брака покупкой (или калыма как платы за невесту): «А когда с торжеством частной собственности над общей и с появлением заинтересованности в передаче имущества по наследству господствующее положение заняли отцовское право и моногамия, тогда заключение брака стало целиком зависеть от соображения экономического характера. Форма брака — купли исчезает (разрядка наша. — К. Б.), но по сути дела такой брак осуществляется во все возрастающих масштабах, так что не только на женщину, но и на мужчину устанавливается цена, причем не по их личным качествам, а по их имуществу»¹¹.

У многих народов Азии, как известно, калым существовал в различных стадиях своего развития (большой частью в пережиточной форме) до недавнего прошлого в силу отставания в общественном развитии (т. е. в силу сохранявшихся патриархально-семейных общин), и исчезновение его, без сомнения, связано с разложением патриархальных отношений, но никак не с уничтожением частной собственности¹².

Г. Г. Банчиков не всегда правильно интерпретирует положения других авторов. Например, говоря о существовавшем у монголов обычае отработки за жену в течение 2—3 лет, он приводит в качестве параллели бурятский материал (стр. 9). Но в приводимом отрывке из работы И. М. Манжигеева¹³ речь идет не об отработке за жену в доме тестя как компенсации за нее трудом вместо внесения калыма, а о примечательности, т. е. совершенно ином по своему происхождению и историческому месту порядке перехода мужа в семью жены навсегда. Далее, автор в этой главе, достаточно подробно показав брачные отношения и свадебную обрядность в дореволюционной Монголии, очень кратко останавливается на современных брачных отношениях. Касаясь современной свадебной обрядности, он пишет, что «в Монголии за последнее время стали играть молодежные (!) и ревсомольские свадьбы» (стр. 16). В качестве примера автор приводит свадьбу монгольских студентов, состоявшуюся в гор. Ленинграде. Сама по себе данная свадьба интересна как свидетельство того, что монгольская молодежь, обучающаяся в Советском Союзе, перенимает формы бракосочетания, существующие у нас, т. е. справляет свадьбы с регистрацией во Дворце бракосочетания, в присутствии представителей общественных организаций и многочисленных гостей. Но досадно, что описанием этой свадьбы ограничивается материал по современной свадебной обрядности. Вряд ли данная свадьба может служить иллюстрацией для ее характеристики.

Вторая глава посвящена рассмотрению «Семейных отношений и положения женщины». Это наиболее удачно написанная часть работы. Здесь автор достаточно полно раскрывает существо внутренних отношений в дореволюционной монгольской семье, показав права и обязанности ее членов. Дореволюционная семья у монголов характеризовалась неравноправным положением женщины, которая полностью была поглощена работами по хозяйству. В силу этого монголка была совершенно изолирована от общественной жизни. Женщина была ограничена в правах и по нормам обычного права (не имела имущественных прав, кроме права на собственное приданое), и по нормам патриархальных традиций (для невесты существовал ряд запретов и ограничений) и т. д. Однако, как верно отмечает автор, в быту монголка пользовалась несравненно большей свободой, чем женщина мусульманского Востока.

И далее автор показывает те большие изменения в семейных отношениях и положении женщины, которые произошли после победы народной революции, на основе последовательных мероприятий правительства МНР по преобразованию экономики, общественной и культурной жизни. Автор подробно, с привлечением цифровых материалов, освещает планомерную работу для достижения фактического равенства монгольской женщины (культурно-просветительная работа среди женщин, постепенное по мере развития экономики вовлечение ее в общественное производство). И как результат этой работы — широкое участие женщины-монголки в настоящее время в государственной, общественной и культурной жизни.

Однако некоторые выводы этой главы звучат декларативно. Так, вряд ли правомерно по 36 обследованным семьям делать заключения о современной монгольской семье. Материал не дает для этого достаточных оснований. Рано, пожалуй, го-

¹¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1963, стр. 85.

¹² Подробный обзор исследований по данному вопросу у разных народов см.: Н. А. Кисляков, Калым и приданое у таджиков, Труды Института этнографии, т. XIV, М., 1951.

¹³ И. М. Манжигеев, Бурятский янгутский род, Улан-Удэ, 1960, стр. 59.

ворить «о равном участии женщин в общественном труде», о фактической «экономической независимости», хотя верно, что женщине предоставлены одинаковые права с мужчиной.

В последней, третьей главе рассматриваются обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка. Приводится интересный материал о бытовавших в прошлом нормах и обычаях при рождении и воспитании детей: обычаи, которые соблюдались при родах; наречение имени, кормление ребенка; существование оберегов — амулетов, определенных действий преследующих цель уберечь ребенка от злых духов, поскольку их кознями объяснялась высокая детская смертность; воспитание. И далее освещаются те преобразования за годы социалистического строительства, которые коренным образом изменили условия воспитания детей.

В целом рецензируемая работа, несмотря на указанные недостатки, касающиеся в основном теоретических положений, недостаточно обоснованных автором, представляет несомненный интерес, так как вводит в научный оборот материал, ранее не освещенный в литературе (материалы полевых исследований автора) и обобщает имеющиеся опубликованные данные по семье и браку у монголов.

К. Басаева

В. И. Кочнев. *Население Цейлона. Историко-этнографический очерк.* М., 1965, 347 стр.

Автор собрал обширный материал, используя последние русские и иностранные источники и обобщив собранный материал применительно к своей основной задаче — дать историко-этнографический очерк населения Цейлона.

Главное внимание в историческом разделе автор уделяет проблеме этногенеза цейлонского населения, которая отличается значительной сложностью в связи с тем, что наукой слабо изучены основные вопросы, связанные с появлением на острове предков современных сингалов и с ролью аборигенного населения острова — веддов. Недостаточно освещен в науке также вопрос о времени появления на Цейлоне тамиллов и об их отношениях с досингалским населением и с сингалами.

Автор последовательно излагает историю проникновения на остров тамиллов и сингалов и придерживается той точки зрения, что тамилы играли существенную роль в этногенезе сингалов (стр. 53). Но в вопросе оценки роли тамиллов на Цейлоне автор до известной степени теряет свою самостоятельность, склоняясь к распространенной в среде современных ученых-сингалов точке зрения, что тамилы играли роль только всеразрушающих варваров (стр. 57—63). Нет сомнения в том, что сами сингалы, появившись на острове, были не менее беспощадны по отношению к местному населению — веддам, которые в конце концов были низведены на положение отсталого лесного племени и почти вымерли.

Говоря о национальных проблемах современного Цейлона, автор пишет, что «цейлонские тамилы, по-видимому, стоят на пути формирования в нацию» (стр. 143). Это утверждение, очень интересное по своей сути, к сожалению, не подтверждается достаточным количеством доказательств. Выделяя так называемых цейлонских тамиллов (т. е. тех, кто появился на острове еще до нашей эры) в отдельную группу населения, подчеркивая их отличия от «индийских тамиллов» (появившихся здесь позже) и даже говоря, что они складываются в отдельную нацию, автор говорит: «как цейлонские, так и индийские тамилы являются одним народом» (стр. 132). На деле в поддержании искусственной розни между двумя группами тамиллов заинтересованы сингалские шовинисты, подавляющие борьбу «индийских тамиллов» за свои гражданские права на Цейлоне, тогда как прогрессивные организации поддерживают эту борьбу. Правильно то, что национальный вопрос в современном Цейлоне выделен в отдельный раздел книги, потому что он освещался нашей наукой и печатью еще недостаточно и необходимо было собрать воедино все основные данные по этому вопросу. Автор обращает особое внимание на неблагоприятную роль США в разжигании национального антагонизма между отдельными группами населения (стр. 148—149), вызывавшую неоднократные справедливые протесты со стороны цейлонской общественности.

Правильно подчеркиваются в книге (на стр. 271—272) различия в положении брахманов на Цейлоне и в Индии. Тот факт, что к ним даже индуистское население относится с меньшим уважением, чем в Индии, говорит о большой древности появления предков этого населения на Цейлоне, во всяком случае — до проникновения брахманизма на юг Индии и его расцвета там.

Вопрос о кастах цейлонского населения тоже рассмотрен с достаточной полнотой.

Хорошей стороной книги является привлечение материалов легенд и преданий, которые часто содержат очень важные исторические указания на древние связи народов и на пути их миграций.

К положительным сторонам следует причислить и своеобразие иллюстративного материала — в книге использованы фоторепродукции целого ряда картин цейлонских